

**РАЦИОНАЛЬНОСТЬ,
НЕПОЛНАЯ
РАЦИОНАЛЬНОСТЬ,
ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ:
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ФАКТОРЫ.**

Г.Б. Клейнер

**В книге Homo institutus - человек институциональный
под редакцией д.э.н .О.В. Иншакова**

**глава 9 (стр. 220-236)
Волгоград: ВолГУ, 2005**

Основываясь на предложенной в (Вилкас, Майминас, 1981) схеме описания ситуации принятия решения, рассмотрим состав и действие факторов нарушения рациональности выбора, а также индивидуальные психологические предпосылки воздействия того или иного фактора на социально-экономическое поведение субъекта. Под влиянием таких факторов процессы восприятия, осмысления, синтеза, интерпретации информации и последующего выбора решений могут утрачивать те или иные элементы адекватности и приводить к отклонениям от рациональности выбора. Рассматриваемые ниже факторы иррациональности отличаются от тех, к которым апеллирует Дж. Ходжсон (Ходжсон, 2003) в споре с приверженцами рациональной концепции поведения агентов, и относятся к сфере социально-психологических закономерностей.

Представим вкратце состав структурных компонент ситуации выбора при принятии решений. Развивая положения Э.И. Вилкаса и Е.З. Майминаса (Вилкас, Майминас, 1981), ситуацию принятия решений рассмотрим в трех фазах: «предпостановочной», «постановочной» и «постпостановочной».

Начнем анализ с последней, третьей фазы. В этой «постпостановочной» фазе задача принятия решения представлена двумя компонентами: множеством альтернативных решений (под решением понимается конкретная комбинация управляемых факторов и возможных действий) и отношением предпочтения (упорядоченностью) на множестве альтернатив, отражающим сравнительную степень приближения к цели после реализации той или другой альтернативы. Эта оценочная фаза обычно наиболее детально рассматривается в литературе. Во второй, «постановочной» фазе выбор цели и, соответственно, отношение целевого предпочтения относятся к неизвестным компонентам ситуации и должны быть специфицированы в процессе постановки. Эта сфера связана с «инвентаризацией» имеющихся данных (ее можно также назвать сценарной), и она реже служит предметом детальных исследований. В первой, «предпостановочной» фазе речь идет о прояснении и структуризации возможностей, создавшихся в данной ситуации. Здесь существенны процессы осмысления и интерпретации информации. Главное содержание данного этапа связано с отделением «возможного» от «невозможного», формированием «допустимого множества». Эта стадия сравнительно редко служит предметом исследований.

Уместно поставить вопрос: корректно ли вообще понятие «возможной альтернативы»? Могут ли существовать «невозможные» альтернативы, и что это такое? Очевидно, это альтернатива, которую можно себе представить мысленно как реальную

лишь вне контекста конкретной ситуации; будучи помещенной в ситуационный контекст, она лишается атрибутов мысленной реальности и тает, как привидение.

Ясно, что между однозначно возможным и однозначно невозможным может располагаться достаточно широкое множество вариантов, допускающих субъективную оценку в порядковой шкале с точки зрения «степени их возможности». В общем случае эта оценка может быть связана с оценкой полезности данной альтернативы (пример такой связи дает известное выражение: «Если нельзя, но очень хочется, то можно...»). В данной статье мы не будем развивать концепцию возможных вариантов учета неопределенности при определении реальности альтернативы (для случая статистических наблюдений варианты формализации различных видов неопределенности изложены в работе: (Клейнер, Смоляк, 2000) и будем считать, что оценка *полезности* и оценка *возможности* независимы, причем последняя принимает по отношению к каждой мыслимой альтернативе только два значения: «возможно/невозможно».

В ходе постановки и решения задачи выбора должны быть выполнены следующие действия: уяснение и спецификация цели, стоящей перед агентом в данной ситуации; определение полного пространства (мыслимых) альтернатив выбора, включая определение их идентификационных признаков; формирование множества допустимых (реальных) альтернатив; формирование целевого отношения предпочтения на данном множестве; определение наилучших альтернатив в смысле данного их отношения и окончательный выбор одной или нескольких из них.

Выполнение всех этих этапов в точном соответствии с имеющейся у субъекта принятой информацией и соответствует рациональному поведению субъекта. Можно заметить, однако, что эти этапы далеко не однородны и их выполнение требует от субъекта различных аналитических и синтетических способностей, соответствующего психологического состояния (решительности), которое позволяет эти способности применить, мотивации выполнения, а также материальных, информационных, временных умственных и психических ресурсов, которые могут быть израсходованы на прохождение этапов. Поэтому нарушение рациональности может быть обусловлено не только и не столько объективной неполнотой имеющейся у индивида информации и ограниченностью возможностей ее усвоения и переработки, сколько наличием субъективных психологических предпосылок нарушения рациональности поведения. Эти нарушения связаны с дифференцированным отношением субъекта к перечисленным выше этапам принятия решений, с психологическими особенностями черт характера и

личности субъекта. Все эти особенности могут существенно влиять на индивидуальные результаты прохождения каждого из перечисленных этапов ¹.

Таким образом, в целом нарушение рациональности выбора конкретным субъектом может быть связано:

- а) с недостатком у него информационных и иных *ресурсов* для проведения всех или некоторых этапов процесса выбора;
- б) некорректной или неэффективной *технологией* анализа и сравнения вариантов и поиска наилучшего (в том числе с использованием неадекватной или субъективной информации, а также субъективного оценивания и интерпретации информации);
- в) сознательным *нежеланием* в полном объеме осуществлять все необходимые для формирования и решения задачи выбора действия;
- г) неосознаваемыми *антипатиями* к определенному роду мыслительной, аналитической или волевой деятельности, необходимой для прохождения этапов принятия решения.

Некоторые из субъективных психологических особенностей, влияющих на мотивацию агента, в зависимости от степени проявления и устойчивости могут быть отнесены к невротическим или психопатическим состояниям (страхам, фобиям). Наличие разного рода фобий, как показывают исследования психического здоровья населения, по различным данным, характерно для 40—70 % граждан России. «Невротический» характер отношений в отечественной экономике исследовался в (Rancour-Laferrier, 2000; см. также: Роузфилд, 2002).

Ниже в соответствии со структурой описания ситуации принятия решений перечислены психологические факторы нарушения рациональности выбора и указаны черты личности (или временные состояния психики), являющиеся предпосылками проявления данных факторов. В соответствии с проведенной выше структуризацией процесса принятия решений факторы разбиты на четыре группы, относящиеся:

- 1) к идентификации целевых установок и допустимого множества;
- 2) отражению их взаимосвязи, то есть формированию отношения предпочтения на множестве альтернатив;
- 3) отделению реально значимой и допускающей интерпретацию информации от сопутствующей;
- 4) процессам выбора наилучшей альтернативы.

Начнем с *первой* группы отклоняющихся от рациональности факторов, то есть факторов, влияющих на результаты постановочных процессов: идентификации цели и

допустимого множества альтернатив. После развернутой и краткой (в скобках) формулировок особенностей психологии агента, провоцирующих данный фактор, будем приводить описание ситуации, в которой эти особенности проявляются, а также — для более отчетливого понимания этих факторов — медицинский или психологический термин, отражающий аналогичное отклонение от нормальной ситуации.

1. Неготовность уяснить и сформулировать *целевую установку* в ситуации выбора («антипатия к целеполаганию»). Формулировка цели часто требует от индивида значительных и не всегда мотивированных усилий и затрат. Для экономических агентов часто просто невозможно или затруднительно осмыслить и более или менее адекватно и информативно выразить цель функционирования, которая стала бы базисом для сравнения альтернатив. Сознательное, целенаправленное и последовательное поведение является уделом сравнительно небольшой части внутренне высокоорганизованных индивидов. Если же субъектом является организация (предприятие, банк и т. п.), то говорить о конкретной цели такого субъекта можно лишь условно. Главной личностной чертой, способствующей нарушению рациональности в процессе идентификации и фиксации цели, является *непоследовательность*.

Подмена реальной и достижимой в принципе цели мнимыми ориентирами, находящимися за пределами окружающего данный индивид мира («мнимое целеполагание»). И.П. Павлов называл подобное явление «рефлексом цели», имея в виду неосознанное влечение к выбору для себя цели — порою мнимой, несопоставимой ни с реальными намерениями, ни с возможностями индивида (случай «людоедки» Элочки — персонажа известного романа И. Ильфа и Е. Петрова, ставившей цель победить в соревновании по богатству и модности нарядов с дочерью американского миллиардера Вандербильда). Отметим, что наличие такого эффекта означает, что множество альтернатив, на котором введен частичный порядок в соответствии с их близостью к достижению цели, не вполне адекватно моделирует ситуацию выбора. Важно не просто выбрать наилучшую из упорядоченных таким образом альтернатив, но оценивать степень достижения цели при ее реализации, «расстояние» до цели. Это означает, что множество альтернатив должно быть не просто частично упорядоченным; на множестве альтернатив должна также быть задана функция полезности, выражающая степень достижения цели.

В этой трактовке «эффект Элочки» объясняется неадекватным сопоставлением абсолютных и относительных величин: если «расстояние» от любой альтернативы до цели велико в абсолютном измерении, то различие между альтернативами (относитель-

ное расстояние) на самом деле не имеет значения. Приписывание этому различию высокой значимости связано с несистемностью мышления, невозможностью охватить всю картину в целом. Личностной чертой, вызывающей данный эффект, является *разорванность*, фрагментарность мышления.

3. Затруднения при формировании объективных ограничений выбора, трудности при анализе потенциально возможных альтернатив и выделении среди них действительно достижимых («трудности разграничения реального и нереального»). Осознание и идентификация таких границ нередко вызывают неприятные эмоции у тех индивидов, которые не склонны к самоограничению и/или болезненно воспринимают ограничения внешнего характера. Часто внимание таких субъектов не задерживается на границах фиксированного множества вариантов, а мгновенно переключается на целевую часть ситуации принятия решений, обрисовку виртуальных картин все более и более отдаленного будущего, возникающего после решения задачи выбора и наступления желательных с точки зрения индивида последствий. Чертами характера, подкрепляющими данный вид отклонения, являются *мечтательность*, склонность к фантазированию, нежелание провести различие между желаемым и реальным. Крайним патологическим проявлением невозможности отличить реальные альтернативы от мыслимых, но не реальных, является *аутизм*. В этом случае индивид обычно даже не ставит перед собой задачу дифференциации реального от нереального.

Вторая группа факторов, приводящих к отклонению от рациональности, связана с проблемами задания целевого отношения полезности на множестве альтернатив, то есть «проецированием» цели на «поле выбора».

Данные факторы провоцируются затруднениями при сравнении допустимых альтернатив («антипатия/гипертрофированное влечение к ранжированию или рейтингованию»). В теории полезности хорошо известны трудности субъективного формирования транзитивных отношений предпочтения на множестве подлежащих сравнению альтернатив. Кроме этого, здесь возникают еще две группы индивидуальных проблем. Первая связана с характерной для некоторых индивидов пониженной «разрешающей способностью» видения вариантов своих действий. При анализе альтернатив качественно разные варианты кажутся таким субъектам неразличимыми. С другой стороны, известен и тип индивидов с повышенной «разрешающей способностью», для которых альтернативы либо представляются вообще несравнимыми, либо их различие неосознанно гипертрофируется. Частным случаем этой ситуации является «дихотомическое мышление», при котором множество рассматриваемых альтернатив

априорно делится на две группы: условно говоря, «черные» (неприемлемые) и «белые» (приемлемые). Такое «черно-белое» огрубленное восприятие ситуации в общем случае не позволяет осуществить обоснованный рациональный выбор. Аналогами такого огрубленного восприятия реальности в медицинской практике могут считаться такие явления, как *миопия* или *дальтонизм*². Вместе с тем распространенным является и обратное явление: преувеличенная склонность к выстраиванию рейтингов, сравнения «всего со всем» («неистребимая тяга людей к сравнению», по выражению Л. Тевено) (Тевено, 2002).

Третья группа факторов отражает неумение отстроиться от побочных характеристик ситуации, не относящихся к сути проблемы выбора. Несмотря на то, что в исходной концептуальной или модельной постановке задачи альтернативы отличаются друг от друга лишь значением функции полезности, практически всегда их восприятие индивидом в реальности намного богаче. Это связано не только с содержательным различием альтернатив, но также и с тем, что после завершения индивидом формирования множества допустимых альтернатив как подмножества всех мыслимых возможностей обозрение этих альтернатив обычно приводит к неосознанному формированию некоторого целостного образа данного множества в полном пространстве альтернатив.

Иногда границы этого множества задаются явно (если, скажем, речь идет о ситуации, когда альтернативы задаются с помощью областей в некотором линейном конечномерном пространстве, как это имеет место в моделях линейного программирования), иногда такая граница как бы дорисовывается мысленно индивидом. В частности, при количественной оценке альтернатив происходит невольная мысленная «метризация» их пространства, то есть наделение априорной и не обусловленной сущностью задачи метрикой (так, несмотря на то, что пятибалльная шкала школьных оценок, как хорошо известно, формально является лишь порядковой, различие между оценками «5» и «4» традиционно воспринимается как менее существенное, чем между оценками «4» и «3», не говоря уж о различии между оценками «3» и «2»).

В любом случае, даже если речь идет о дискретном множестве возможностей, можно говорить о *конфигурации* множества допустимых альтернатив в рамках их полного пространства. При этом у некоторых альтернатив могут быть отмечены специфические особенности, связанные с их геометрическим расположением относительно данной конфигурации, близости к границам реального и нереального, к области сгущения, к воображаемому центру конфигурации и т. п. При этом в зависимости от своего

местоположения альтернативы как бы оказываются эмоционально окрашенными, причем эта раскраска не связана с уровнем их объективного соответствия цели. При сравнении таких альтернатив субъекту трудно абстрагироваться от учета их взаимного расположения, что фактически вызывает отклонения от рациональности выбора. Размер и характер этих отклонений зависит от психологической структуры личности субъекта. Можно выделить следующие характерные ситуации.

1. Неосознанная склонность к выбору граничных или близких к граничным альтернатив («влечение к пограничным и рискованным ситуациям»). Под граничными понимаются экстремальные в том или ином смысле варианты. Такое поведение характерно для индивидов с априорной склонностью к опасности, экстремальным ситуациям, радикализму. Психологическая предпосылка — страх перед открытым неограниченным пространством, *агорафобия*.

2. Неосознанное отвращение к выбору граничных или близких к граничным альтернатив («антипатия к пограничным или рискованным ситуациям»). Психологическая предпосылка — *акрофобия*, то есть инстинктивная боязнь высоты, а точнее — границы наблюдаемой области, воспринимаемой как граница между уровнями; допустимая область воспринимается как высокогорное плато, возвышающееся над пропастью. В данной группе факторов отклонения от рациональности можно указать еще несколько возможных вариантов дополнительного различения альтернатив, не связанного с их целевой полезностью и основанного на психологических априорных и не осознаваемых субъективных предпочтениях агента. Первым возникает из-за особенностей процедуры предъявления/рассмотрения альтернатив. Лишь в редких случаях все альтернативы рассматриваются одновременно. Как правило, они предъявляются для рассмотрения поочередно или группами (см. подробнее: Клейнер, 2002). Поскольку в «сеансе принятия решения» внимание индивида распределяется в течение периода анализа неравномерно (в зависимости от темперамента индивида и других особенностей личности пик наибольшей концентрации внимания может приходиться на начало, середину, конец или другие сегменты периода сравнения альтернатив), результаты выбора могут зависеть от последовательности предъявления альтернатив. Такое явление можно уподобить *циклотимии* — выраженной зависимости психических реакций и состояния в целом от относительного (в рамках фиксированного периода) времени действия.

Априорное предпочтение альтернатив, рассматриваемых в начале/середине/конце периода времени для принятия решений («невозможность соблюсти одинаковые условия оценки альтернатив»). Психологической предпосылкой

здесь выступает *циклотимия*, то есть циклическое распределение внимания в течение периода, в данном случае — «оценочной сессии». Второй дополнительный вариант априорного (внецелевого) различения альтернатив связан с гипертрофированным влиянием предыдущего опыта индивида. Если конфигурация альтернатив в какой-то степени напоминает ему уже встречавшиеся ситуации, исход выбора в которых известен, то это может вызвать формирование еще одной, не связанной с целевой, структуры предпочтений, при которой та или иная альтернатива априорно воспринимается как предпочтительная или, наоборот, нежелательная.

4. Априорное предпочтение альтернатив, идентифицируемых по их конфигурационным характеристикам в связи с предыдущим опытом принятия решений («неосознанные ассоциации с прошлым»). Психологическая предпосылка — *апперцепция*, то есть неосознанное влияние на восприятие реального мира субъектом его предшествующего опыта или установок.

Наконец, следует иметь в виду некоторые часто встречающиеся *динамические* характеристики решений как подлежащих выбору альтернатив. Психологические особенности субъекта принятия решений могут оказать существенное влияние на выбор именно из-за неадекватного учета динамических и, в частности, временных особенностей того или иного решения. К таким особенностям относится время начала и завершения реализации решения (и/или период получения эффекта от его реализации) и ряд аспектов новизны и радикальности решений.

Главными характеристиками такого рода, влияющими на выбор, являются: время начала реализации решения, точнее, промежуток между принятием решения и его осуществлением (в случае выбора); время планируемого окончания реализации решения; «новизна» решения (она может оцениваться по различным показателям, например, по новизне связанных с данным решением технологий, количеству новых, представляющихся перспективными, лиц, вовлекаемых в круг общения в связи с данным решением, и т.п.); степень обратимости решения, то есть возможность восстановления «status quo» после начала реализации данного решения.

Предпочтение решений, реализация которых начинается/оканчивается быстрее («антипатия/влечение к быстро исполнимым решениям»). Психологические предпосылки — нетерпение, *импульсивность* или, наоборот, заторможенность данной личности.

5. Предпочтение решений, обладающих/не обладающих признаками новизны («антипатия/влечение к *новым* решениям»). Психологические предпосылки — эмоциональная потребность индивида в новых впечатлениях, излишняя доверчивость,

преувеличенные ожидания, испытываемые по отношению к новым лицам или (шире) ситуациям по сравнению с известными. В противоположном случае (антипатия к новым решениями и ситуациям) речь идет о *консерватизме* мышления.

6. Предпочтение обратимости/необратимости решений («антипатия/влечение к окончательному выбору»). Многим индивидам свойственно непреодолимое желание немедленно изменить сделанный выбор сразу после его осуществления. Чтобы понять истоки такого поведения, следует принять во внимание, что субъект лишается «свободы выбора» в тот же момент, в котором этот выбор сделан. Для свободолюбивый или нерешительных натур необратимые действия, в том числе выборы, крайне неприятны. Психологические предпосылки: осторожность, *нерешительность*; либо, наоборот, решительность, *опрометчивость*, радикализм.

7. Неосознанное нежелание оставаться в заданных пределах множества допустимый альтернатив («антипатия к учету границ»). Будучи поставлены в дискомфортное для себя положение в кругу нежелательных альтернатив, многие индивиды стремятся «разорвать» этот круг, вернуться «на шаг назад», на постановочную или предпостановочную стадию формирования альтернатив и изменить само «поле выбора». В других случаях при отчетливом субъективном ощущении границ поля выбора и невозможности их преодоления возникает неосознанное стремление к выбору той альтернативы, которая находится как можно дальше от границы, «в глубине» допустимого множества. Соответствующая психологическая предпосылка — состояние *клаустрофобии* (страх замкнутого множества по отношению к пространству альтернатив).

Наконец, *четвертая* группа факторов отклонения от рациональности связана с этапом непосредственного выбора решения.

1. Антипатия к выбору абсолютно наилучшего варианта («антипатия к радикализму»). Выбор наилучшего варианта для избегающих риска субъектов представляется опасным. Подсознательно такие субъекты отвергают максимизирующие варианты как *не соответствующие эволюционному характеру развития*. Как показывают психологические тесты, многие подсознательно стремятся к выбору варианта, находящегося в верхней трети шкалы оценок, но никак не наилучшего. Альтернативой наилучшего выбора может быть сатисфакторный (обеспечивающий удовлетворительный уровень полезности), усредненный (ориентирующийся на то или иное среднее значение критерия полезности), привычный и другие варианты выбора.

Соответствующая черта характера — осторожность. Психологическая предпосылка — *клаустрофобия* (по отношению к пространству значений функции полезности).

Процедурная рациональность, то есть рациональность процесса, а не результата выбора решений также подвергается искажению ввиду использования неадекватных ситуации процедур и алгоритмов.

2. Предпочтение решений, избираемых в соответствии с известными привычными или традиционными процедурами, не обязательно соответствующими данной ситуации («навязчивое влияние прошлого опыта»). Психологическая предпосылка — *компульсивные* расстройства, то есть действия или влечения, обусловленные устаревшими или не соответствующими конкретным условиям ситуации ритуалами (рутинами).

Таким образом, существует достаточно широкий круг устойчивых личностных психологических особенностей агентов, вызывающих неконтролируемое отклонение от рациональности индивидуального выбора. Поскольку эти особенности в принципе допускают выявление с помощью анализа предыдущего поведенческого опыта, самоанализа или тестирования, появляется возможность предсказания отклонений от «чистой» рациональности поведения. Конечно, при этом следует иметь в виду наличие некоторой комбинации этих особенностей у каждого индивида.

Неполную рациональность выбора, обусловленную для данного субъекта одним или несколькими из перечисленных факторов, естественно назвать, в отличие от ограниченной рациональности Г. Саймона (Simon, 1957) и органической (в других терминах — процедурной) рациональности О. Уильямсона (Уильямсон, 1996), *органической иррациональностью*, поскольку она отражает органически присущие данному индивиду качества и особенности, приводящие к нарушению рациональности поведения.

Индивид с высоким уровнем органической иррациональности по каждому из перечисленных выше аспектов принимает в расчет не всю имеющуюся информацию и фактически либо «размывает» воспринимаемую им ситуацию принятия решений, делая нечеткими как целевую функцию, так и ограничения выбора, либо, наоборот, деформирует, искажает компоненты постановки задачи, излишне жестко ограничивая множество альтернатив или необоснованно «выпячивая» некоторые из них (например, осуществляя их дихотомию, условно говоря, на «черные» и «белые»). При восприятии реальной картины как размытой, сглаженной, «текучей» или, наоборот, чересчур ригидной, с обостренными и искаженными формами, принятие решения осуществляется

либо на основе заведомо фрагментарного анализа и принципиально субъективного выбора, либо на основе принципов слабой процедурной рациональности (Simon, 1976).

Описанная выше в общих чертах картина в принципе может относиться ко всем ситуациям принятия решений, в том числе — институциональных решений, то есть решений, касающихся либо присоединения к уже имеющемуся институту, либо образования того или иного института (например, поддержка принятия нормативного акта, закрепляющего некоторую норму). В итоге формирование носителя того или иного института (совокупности агентов, подчиняющихся действию института) оказывается в поле влияния не только рациональных факторов, обусловленных распределением экономических интересов и ожиданий агентов, но и в зоне влияния иррациональных факторов, обусловленных органически иррациональной структурой субъективного восприятия агентами действительности. Вследствие этого влияние сил, действующих на институты непосредственно со стороны институционального пространства (взаимозависимость институтов, «трение», жизненные циклы и т.п.), будет более сильным, чем действие внешних для этого пространства сил, исходящих из пространства агентов.

Отклонения от рационального ведения процесса выбора, вызванные психологическими особенностями агентов-индивидов, можно толковать как ошибки когнитивно-деятельностного поведения агента. При таком подходе эти ошибки могут быть представлены как: ошибки целеполагания (определения и уяснения цели); ошибки атрибуции (разграничения реальных и нереальных альтернатив); ошибки дискриминации (различения альтернатив); ошибки индикации (формирования целевых отношений на пространстве альтернатив); ошибки прогнозирования (определения последствий выполнения альтернатив); ошибки ранжирования/рейтингования (выстраивания альтернатив по их соответствию цели); ошибки выбора.

В связи с изложенным выше возникает важный для практики экономического анализа и прогнозирования вопрос: поддаются ли формальному моделированию действия агентов при столь многообразной картине отклонений от принципов рациональности выбора? По мнению Нобелевского лауреата Д. Канемана, в каждой конкретной модели реального выбора может быть учтено не более одного фактора иррационального поведения. Если иметь дело с традиционными оптимизационными схемами, то с этим придется согласиться. В общем же случае, как представляется, традиционная оптимизационная схема должна быть модифицирована таким образом, чтобы в ней фигурировали отдельные и относительно самостоятельные модели:

а) объекта, на состояние которого оказывает влияние выбор (предприятие, если речь идет, скажем, о закупке оборудования или постановке на производство нового изделия; запас продуктов в доме, если речь идет о приобретении продуктов питания в магазине; сам субъект, если речь идет о его институциональном выборе, например, присоединении к некоторому институту и т. п.);

б) поля альтернатив, то есть взаимосвязи между альтернативами и их атрибутами;

в) субъекта выбора, то есть лица, принимающего решение, его психологических, когнитивных и иных особенностей.

Таким образом, поскольку каждую из альтернатив можно рассматривать как некоторую разновидность *проекта* (будущих действий агента), то описание всей ситуации выбора складывается из описания трех различных компонент: объекта, проекта и субъекта. (Отметим, что если речь идет о моделировании не субъективного выбора, а объективного процесса, то последний элемент триады может отсутствовать, хотя поле альтернатив как множество возможных результатов процесса должно присутствовать в любом случае.) При этом обычно используемая для моделирования конструкция, в которой это поле совпадает с подмножеством некоторого конечномерного векторного пространства, далеко не всегда является адекватной моделируемой ситуации. Так, в (Клейнер, 1997) показано, что для пространства факторов производственных функций в условиях индивидуализации производства более адекватной, чем структура конечномерного линейного пространства, является структура решетки — множества с операциями пересечения и объединения элементов.

Такой подход предполагает, что и в модельном отражении эта трехчастная композиция должна быть уравновешенной в том смысле, что модели всех трех частей должны быть, во-первых, относительно автономными и, во-вторых, примерно равным образом содержательными. Первое требование означает, что *перед* построением общей модели выбора должны быть автономным образом построены три модели: модель функционирования «объекта», отражающая влияние принимаемых решений на объект управления; модель «поля альтернатив», отражающая оценку вариантов с точки зрения цели выбора и структуру их множества; модель «субъекта выбора», отражающая сложившиеся особенности и структуру факторов принимаемых субъектом решений. Согласно второму требованию, каждая из этих моделей должна быть построена на базе достаточно содержательной информации, в том числе — исторической, учитывать эволюционные характеристики предмета моделирования и его взаимодействия с окружением. Если эти требования нарушены (а в традиционных моделях оптимизации

именно это и имеет место, причем наименее содержательно, как правило, представлены модели субъекта), то результат не может быть адекватным.

Выполнение данных требований, то есть моделирование процесса принятия решений экономическими агентами на основе «тройственной» системы достаточно содержательных и относительно автономных моделей «субъект — проект — объект», ставит перед исследователем серьезную задачу системной идентификации элементов этой триады. В зависимости от того, где проведены системные границы «субъекта», «объекта» и «поля альтернатив», и процесс, и результаты моделирования будут различными. Это подчеркивает роль этапа «системное описание объекта моделирования» в общей последовательности построения модели (см.: Клейнер, 2001).

Возвращаясь к анализу процессов принятия решений, констатируем следующий вывод: принятие решений экономическими агентами может считаться рациональным лишь при сугубо отвлеченном взгляде. При этом отказ от рациональности вовсе не тождествен отказу от теоретического подхода в целом. «Рациональность, в строгом современном смысле слова, не может быть одинаково присуща любой экономической деятельности каждого экономического агента. В общем случае невозможно исключить поведение, движимое минутным импульсом, привычкой, стремлением изучить альтернативы (учимся хотеть того, чего на самом деле хотим) или даже забывчивостью, что разрушает всякое представление о последовательной системе предпочтений. Кроме того, постулат рациональности подразумевает такие способности к обработке информации и расчетам, которые не могут не вызвать насмешки — «иррациональная страсть к рациональным расчетам» (Блауг, 2004, с. 351).

Рамки теоретического подхода, основанного на рациональности, не должны быть «прокрустовым ложем» для отражения реальности. Их необходимо расширить, чтобы учесть неоднородность множества агентов, их классификацию по психологическим и ситуативным особенностям, в том числе и касающимся взаимодействия «агент — институт». Введение и структуризация понятия органической иррациональности позволяет более гибко и адекватно отражать поведение агентов. Однако классификация факторов и видов может быть продолжена в направлении детализации самого содержания целей и ограничений, принимаемых агентом.

ЛИТЕРАТУРА

- Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М.: Вопросы экономики, 2004.
Вилкас Э.Й., Майминас Е.З. Решения: теория, информация, моделирование. М.: Радио и связь, 1981.
Клейнер Г.Б. Моделирование механизмов принятия решений на предприятии// Экономика и математические методы. 2002. Т. 38. №3.

Клейнер Г.Б. Факторы производства и производственные функции: моделирование в условиях качественных измерений // Моделирование механизмов функционирования экономики России на современном этапе / Под ред. д-ра физ.-мат. наук В.З. Беленького. М.: ЦЭМИ РАН, 1997.

Клейнер Г.Б. Экономико-математическое моделирование и экономическая теория // Экономика и математические методы. 2001. Т. 37. № 3.

Клейнер Г.Б., Николаева Н.Л. Оценка параметров имитационных экономико-статистических моделей с учетом априорной качественной информации // Экономика и математические методы. 1986. № 4.

Клейнер Г.Б., Смоляк С.А. Эконометрические зависимости: принципы и методы построения. М.: Наука, 2000.

Роузфилд С. Метаморфоза России: от Ельцина до Путина // Экономическая наука современной России. 2002. № 4.

Тевено Л. Организованная комплексность: конвенции координации и структура экономических преобразований // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М.: РОССПЭН, 2002.

Уильямсон О. Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат, 1996.

Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. М.: Дело, 2003.

Mintzberg H. Strategic Thinking as «Seeing» // Nasi J. Arenas of Strategic Thinking. Foundation of Economic Education. Helsinki, 1991.

Rancour-Laferrier D. Russian Nationalism from an Interdisciplinary Perspective: Imaging Russia. N.Y.: Edwin Melien Press, 2000.

Simon H. Administrative Behavior. N.Y.: Macmillan, 1957.

Simon H. From Substantive to Procedural Rationality // Method and Appraisal in Economics / Ed. by S. Latsis. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976.

¹ Применительно к процессам построения имитационных экономико-статистических моделей зависимость результатов моделирования от соотношения объективной и субъективной части информации рассматривалась в (Клейнер, Николаева, 1986).

² Эти отклонения от нормы не относятся к психической сфере, но используются исследователями для характеристики аналогов соответствующих психических состояний (см., напр.: Mintzberg, 1991).